

– тонкі лінії –
випуск сьомий

даниїл задорожний

**небезпечні форми близькості
/опасные формы близости**

Дніпро
Герда | 2021

Даниїл Задорожний (1995) народився і виріс у Львові. Закінчив факультет журналістики ЛНУ ім. І. Франка. Проживав у Зеленограді, Сімферополі, Києві, Харкові та Мінську. Заохочувальна премія видавництва "Смолоскип" (2016–17), лонг-лист премії "Гайвороння" (2018), лауреат премії ім. А. Драгомощенко (2019), спеціальна згадка журі премії "Цикада" (2021).
Тексти публікувалися на порталах Words Without Borders, Litcentr, "полутона", "Солонеба", "Артикуляція", "Парадигма" й "Цирк «Олимп» + TV".

юле

no man is an island [anymore]

але напівострів: пропаганда 2-річної давності
крутиться

телевізором галицько-франківського ОРВК м. Львова –
контрактна армія
державна служба смерть земля обов'язок честь призов
вітчизна батьківщина гідність – і дітям
[бодай на старість]
пільги

зобов'язали боронити ~~ретериторизацію~~ суверенність*
цілісність України – суржилом. між собою ж перешіптуються
блатом
а не українською чи навіть російською

доки жінки у військовій формі
дивились на нас
найважче [найгірше]

невже камуфляж справді що-небудь [тут], у тилу, вирішує?

2018

* ст. 65 конституції та ч. 1 ст. 1 закону України «про військовий обов'язок і військову службу»

що вона мовить. але я не
хотів би цього. ну, подумай сама, ну, от подумай:
і от про що вона нам розповість? ну от про що вона нам
говоритиме? що кожен новий рік коротший за попередній?
важчий, коли торкаєшся й безконечніший, якщо озирнутися?
чи про торгівлю всім, що там майже залишилось?

*

привіт
я давно не писав тобі
але знаєш, їй виповнилось... і досі ніби майже ніхто або
не слухає
або не чує. або втомилися. або не хоче чути,
бо не зрозуміло, що з цим робити, надто
боляче слухати, про що вона так довго говорить

2018

на вибір

пишу тобі

бо ти мовчиш

як федеральні канали в росії опісля терактів та мітингів

пишу тебе й пишу як вірш

щоразу інакше написаний

*

і переписую, перечитавши. а перечитавши – знов переписую

не розуміючи :завжди по-іншому: що

конкретно я хотів сказати? і кому? переписую:

перепрочитане: тільки тепер – це історія, а не спогади.

історія протистояння між [так, ще досі] мафіозними тире

силовими структурами – й інститутами юності та отроцтва,

занотована невідомою стенографісткою: нас [дітей] ніколи

не кликали у політику, хіба постояти поряд, посміхаючись на

телекамери

але виносили завжди як рівних

*

і з якої б то мови тебе перекласти

щоб прочитали й видали самвидавком: попри арешти, доноси

та кризу: одразу як культову класику й андеграунд замшілого

академізму
як ант[иутопію]ологію футуристів: зшитком жовтневих
аркушів
у косу (щоб тобі було легше читати й переписувати) лінійку.
такою вона народилася
і я звик дивитись у те око, яке дивиться у цей момент на мене.
на яких одруки й фонетичні помилки – це брості вавок
родимок
і ластовиння

II. перехід на літній час

прокидаючись, вона стає тим, перед чим мій бог
патологічно безсилий:

– ти снівся мені, – говорила, – і я була незчитуваним
палімпсестом дискурсів
ти ж натомість – зламанною у кількох місцях лівицею
відомого дисидента-лінгвіста... але скажи: ну чому
стільки виправлень, стільки закреслень? ну, чому так?.. воно
взагалі відмивається?
ти перечитуєш – хоч раз – написане?

... о, не забути б
востаннє перевести стрілки годинника
не порізавши руку
якою пишеться

шрами прикрашають жінку:

і обираючи між іменем
між кількома іменами

та одним абортom

богородиця
хотіла дівчинку:

не хотіла взагалі нікого
не так хотіла, як [ігор, маргарита, іван, стефанія, ярина,
матвій, ірця – перевертаються у відсирілій коробці
спаленими сірниками з рівненської області, щоб
не закупувати з росії та білорусі; вона їх валетом вкладає
спати, щоб не заразилися, поки одна дитина ледь
не придушила другу дитину] їй не залишили вибору

як виховати тих, що народяться, щоб не знищити їх,
не перетворити на свої найгірші сторони?

залишився тільки віск / чи(й) вік – ісус

чоловіками не народжуються, жінками стають

вбиваючи, людьми перестають бути (?)
ніколи ними не буди: "*we have never been human
and will never be even though we are*". [але ж я так не хочу
моралізувати, дегуманізуючи Інших, в чий шкірі ніколи не був
і чийми очима на світ не вмію дивитися]

його зламали його маскулітності. те, як його виховали. як не виховували. яким він виріс яким він був/мав стати. в цих уявлюваних маскулітностях були свої стигми на виховання дітей, здеформовані власним досвідом. свої непропрацьовані й невизнані травми. був свій плач по минулому. нехтування здоров'ям тіла. аутоагресія і насильство. алкоголь, вирвана нирка, 90-ті, сирітство: те, чого не переживали інші, чого вони ніколи не бачили, переживаючи наслідки. оминавши інших чоловіків на вулиці розмовляючи зі своїми друзями розминаючись із жінками вночі. його зламала ієрархічна поразка, примножувана з кожним роком. було те, чого він не зміг, не знав, як зробити. не міг, відчуваючи, що вимагається те, чого він не може що поза його контролем і це не те, що він мав би не розумів, чого він хоче й чи те, що є – воно справді воно? таким воно буде і мало висотатись?

ціна проживання в цей час у цьому суспільстві це не так патріархат, як пастка бідності

його зламав його батько він переслідував його в сп'янінні, ніби путін в новинах

рольова модель гонти і тараса бульби
ніби це завжди фройдова боротьба з сином
ніби не так
не буває?

соціологічні дослідження мовлять, що норми міняються
касандра мовить великими даними, складеними з моралі та
цифр, яким мало хто вірить

короткий спалах продовжування життя
смерть і алергія
дідько чи привид?

людська ситуація

пошерхле золото причин
чого біда накрила твою хату

коли кажуть: "всі отримують те, на що заслуговують"
я згадую великий голод: як та чим можна заслужити таке?
як подібні речі можна змінити? чи ти не зважаєш на окремі
випадки
які розривають картину твоєї гіпотези?

коли кажуть "працюйте – та й воздасться вам"
я згадую своїх пра-пра, які все життя віддали роботі й союзу
дітям, змушеним народитися

які отримали медалі "героїв праці"
але на 20-ий рік незалежності винуватили україну
що їх крихке яйце розбилося бідністю
не розуміли, навіщо ті гривні
а голка соціалізму блукала серцем, розриваючи кожні взаємини
прирікаючи на життя разом в одному закритому просторі

я згадую рабство і кріпаків, бабусю, яку без партквитка не
брали на філологічний факультет, расизм та шовінізм
бачу одну-й-ту-саму й таку різну дискримінацію
коли чую "детерміновані ознаки" – риси, які не обирають,
а з якими народжуються

а от ставлення можна змінити
тільки чогось
все навпаки намішано

память коротка как обрез
из которого стреляли в грудь и голову нигояну: никто не
помнит, кто это сделал: ни помповое ружье, ни подтасовки
в расследованиях; ни расстояние от 7 до 21 метра вместо
выученных трёх [круги подозреваемых на воде: то сужаются,
то расширяются, как зрачок, испуганно выходящий за твои
берега] метров сфальсифицированных, трёх революций:
ни-че-го / нет, но многое до сих пор
понято либо неправильно, либо не понятно верно

*

восточноевропейская программа обмена для силовиков: из
киевского "Беркута" – в московский ОМОН; клубок ниточек,
тянущихся на Восток; следы, седьмой год разлагающиеся
в собственном желудке, в попытках стошнить самого себя,
вырвать / летописи и календари силовых структур – это
совершенно иная история. они живут в совсем ином мире
высказываний, отбивая очередную почку политзаключенному
или предателю

*

непреодолимый соблазн желания связать рандомное
количество фактов одним нарративным движением, во всем
знакомую картину мира, выдавая мёртвого левиафана за
спящего

*

а как вопросы, положенные лицом в пол ненаказуемо и
безответно, разрушают психику части сообщества?

"лише"

поэтически замолчал марко царыннык, умер василий стус,
запрет на печать с олега лышеги снимут через 3 года, бу-ба-бу
заговорили – и всё это

1985-ый

год. спустя год дым от чернобыля разъест матерям
щитовидки, и хотя ее вырезали – я даже не знаю точно когда,
до или после рождения первенца

до сих пор без нервов дышать многим сложно

*

35-летнее молчание царынныка – что это было? что было
до? берлин, эмиграция, английский язык – і українська мова,
университеты торонто

"ти тільки щойно увійшла / and you have just entered",
переводы, научные статьи про голод 30-ых, катком
выкрошивший беларусь, кавказ, кубань, казахстан,
украину ... [батлеровское etc. при подсчете жертв,
"приводящее в замешательство" нескончаемым списком
погибших], о которых, о всех, почти не вспоминаем,
вспоминая жертв, как будто это только *наша* беда-история
и поэтические публикации исключительно в периодике – ни
одного сборника

как для языка – никакой пощады, никакой памяти. молчание – разговор по материнской линии, всё тот же

*

40 лет земных олегу лышеге, как в издательстве "Молодь" выходит его первая "поэтическая кассета". сборник "Великий міст", молодой автор. *ждать чего-то ещё?*

пока что не стоит, хотя он пишет и прозу, и эссеистику. один роман в десятилетие донны тарт, один стих лышеги – раньше я думал, что один стих в год – как раз нормально, но потом понял, что одного стихотворения на 10 лет – этого вполне достаточно, шутливо говорит он мне в театре им. л. курбаса на форуме. если из нас говорят истории, а не мы, пруст, говорят, умирая, пытался записывать процесс умирания – и смерть, смутившись на входе, едва не ушла от него:

– а ты представь себе, каково ему было бы, закончись в ручке чернила или бумага, а его ещё на несколько часов агонии хватит? а молчание поэта – это просто

другой разговор, ещё один творческий период другого молчания

"птах душі"

и мы никогда не прочтём "голубую тетрадь" верлибров стуса. хм. последние верлибры василия стуса: после его "палимпсестов" – до сих пор говорить сложно. кто прочел ту рукопись, возможно утерянную или сожжённую в архивах ФСБ, что он ответил бы?

– кто знает, чем для укр. лит. являлся бы его сборник сегодня, выйди он в 85-ом?

– а как не погаснуть – как не затмить её солнце в пустыне, скажи мне? кругом

ледяная вода, только камни одни, только берег, бетонные стены, карцер, металл, голодовка, решётки без окон, холод, карцер, боль, чай, подаренные сигареты, люди, окна, смотри, люди, окна

люди – как окна

тёмным светом

просвечивают. но вот он лежит на вершине дюн, умирая от обезвоживания

и осложнений, проваливаясь в койку песка: и вот уже по самую грудь его в раю стихами

засыпало

*

роман абрамович купил "крик" мунка. а я написал этот стих. чувствую себя невероятно счастливым

*

вірш на день поезії

хтось приніс коронавірус на вечірку після фотовиставки:
й роздягаючись під пошерхлу музику – всі заразилися
й передали далі. хоча ні, дехто казав, що не вірить у нього,
хтось встиг вакцинуватися, мовляв, це держава вже
не справляється
all cops are bastards на банківій з будь-якого приводу
[щоб держава не розслаблялася й не забувала, хто тут влада]
все таке інше

а нащо нові локдауни? хто виживе, той виживе
бо нас закрили, а через вулицю все відкрито працює

*

– ми ж усі з ПЛР-тестом, тут не може бути хворих, – голосно
говорить дівчина
у гірськолижному шоломі, щоб усі її почули, доки ми їдемо
автобусом від терміналу мінського аеропорту до нагрітого
турбінами боїнгу, – не вірю у всі ці вакцини: хто сказав, що
"супутник" взагалі рятує? де це написано?
що ти читаєш, щоб знати правдиві новини?

все працює, перепрацьовує
й не має роботи. це був перший день нового карантину

*

л. каже, що тут, в Китаї, цю проблему вже вирішили. давно не було нових спалахів, хоча Китай відмовляється нормально з усіма говорити. в магазині перевіряють QR-код з історією переміщень. з бібліотеки в кампус – і назад: перекладати вірші з "імперської" на "імперську" – з китайської на російську*

фігура лікаря, який помер від того, про що розповів першим через WeChat-месенджер на весь світ, хоча його просили мовчати. фігура істоти, в якій це з'явилося: ми з тваринами куди ближчі, ніж багатьом хотілося б

друзі друзів, знайомі знайомих, бабусина подруга вмерла від ускладнень після ковіду
твій батько сидів з цими людьми в одній палаті.
повідомлення, які набираєш в гарячці й з температурою

і маска з плямами від помади постійно заплутується
у навушниках

розширені від куріння зіниці судин, в мить, коли десь глибоко в мокрій темряві виснаженого імунітету, хлюпнувши, непомітно зривається ковідний тромб під плач безпомічних антитіл. і він помирає, перш ніж хто-небудь встигає набрати номер гарячої лінії на смартфоні, щойно вчора встановивши "Дію"

увійшовши у море підтасованої статистики
ще одна національна трагедія, на яку не вистачає сил
і в якій немає конкретного зла, щоб у всьому його

звинуватити

і вона забрала його, як пам'ять про усіх загиблих
на третій тиждень столичного карантину
і втомленого співчуття водіїв швидких

блудний безсимптомний син
підпільних концертів й роботи не з офісу
невакцинований, 5-им етапом, з групи найменшого ризику

повернувся до дому, в якому ніколи не був дотепер,
чекаючи на батьків
по той бік коханої за кордоном, по той бік живих

*

на похорон усі прийшли у чорних масках
він один міг вільно дихати
якби не

* коли л. прочитала цей текст, вона сказала: "тут написано те, про що мені й думати раніше було страшно, враховуючи моє калмицько-українське походження". лишега казав, що "поезія – це уточнення ймень". чи можна сказати, що ми говоримо виключно іменами й кожен вірш – це ім'я, на яке відгукнеться будь-хто, але завжди не той та не та, кого кликали?

дневники: ковид/бездомные

как нельзя вырезать свой антропоморфный опыт, я хочу
пожать руку, лапу, плавник или отросток всех животных
организмов, обитающих на этой планете
если они не съедят меня; ощутив родство памяти и чуждость/
одинокость разума
боль и наслаждение, изношенность нервов. но тут появляется
что-то
не совсем мертвое и не совсем живое: но то, что не убивает тебя

а делает тебя слабее. с детства холёная уязвимость, ранимость
пробитых мест, дыра в пространстве, вместо корки воздуха [на
ментальности сообщений]. вместо взгляда – туннель
мышления. искус дикого капитализма разросся ядовитым
папоротником, поглотив неотапливаемые дома
и обанкротившиеся магазины. но то, что убивает тебя

делает тебя ещё слабее, почти мертвым, как если б ковид
вскрыл вены реформам
но нет, всё так, как и было "до" со здравоохранением, только
хуже. странность этой болезни: высочайшая контагиозность до
проявления всяких симптомов, невидимая давка на
иммунитет, провокация его на безумие, когда части целого
убивают всё целое. *из какого ты вылез животного?* с какого
моря

цитокиновый шторм? сколько видов ещё сразишь?
мы убиваем норок
во имя твоё необычное. распространяемость в замкнутом помещении, между людьми, тесными кластерами, обнимашки, иные опасности близости. мыслить в категориях "вероятности": вероятность заболеть ниже, если носить маски. вероятность заболеть ниже, если дистанция. вероятность заболеть в любом случае, если другие люди. вероятность, скорей всего, выжить, если ты в категории.. и так далее.

ещё одно "самое последнее время", которое переживут многие, но не все; праздный вопрос: а сколько? и пожертвовать сколькими нам "не жалко", срывая ограничения, как фейки о детском удушье из-за нехватки кислорода

[здесь появляются новые штаммы, уходящие из-под прививки: послеуханский, "британский" В.1.1.7, южноафриканский, бразильский и новые, новые незаконнорождённые дети бродят миром, пока единицы толпами прививаются под фонарём истории, подсвечивая уязвимости, выхватывая тех что остаются во тьме незамеченными]

*

странность реакции на него: мы всё закроем и закроем глаза на то, что другие страны просто раздают всем гражданам деньги. мы закроем не всё и попробуем помочь деньгами некоторым категориям граждан. мы закроем всё так, как нам

кажется нужным, и плевать, чем вы там давитесь. мы закроем не всё, но вакцины пока что не всем. лишь некоторым категориям. доступностям. регионам. мы не можем купить вакцины, но если могли бы, и если бы это был враг, то не купили бы. социальная ответственность наперекор политической целесообразности. что проиграет? что не победит? даже бездомным [почти] не раздадут еду – волонтерство, самоорганизация "снизу". ведь

"умирает не так уж и много" [ты уже знаешь, сколькими готова пожертвовать?]. как объяснить им, что каждая смерть чудовищна? да, но ты взгляни на бездомных твоего города. как они выглядят? я до сих пор не знаю, где они ночуют, что они едят, что можно найти в контейнере с мусором и приготовить из этого? сколько у них одежды, и как они могут её постирать? немного неловко, когда они что-то просят, а я как будто не могу отдать то, в чём сам не нуждаюсь особо. что в следующую секунду просто могу выбросить. не могу отделаться от чувства, что они всегда чего-то хотят, но я на самом деле думаю, что это не так. не больше, чем остальные, но и не меньше: когда это – слишком много? слишком мало? чего-то хотеть? но я не знаю, что делал бы, чувствовал на их месте

какой-то житель местного центра учёта и ночного пребывания бездомных лиц сквозь открытое окно своей комнаты на первом этаже протягивал мне сигарету. он улыбается. внутри кто-то

собирает вещи в рюкзак, присев на скамью в коридоре. спасибо, но я не курю. я не хотел бы. фотография кота на уступе и виды кладбища. исторический контекст: когда-то здесь было яновский концлагерь. пытаюсь заметить их издали, определить на глазок, а не бездомный ли он? как не увидеть этого?

подхожу к бездомным, страшно нервничаю, раздаю листовки, пытаюсь объяснить им, как они могут себе помочь в одном месте, как им могут помочь в этом месте, если они дойдут до него, а я не всегда понимаю, как они двигаются, как объяснить им адрес? знают ли они город? какую дистанцию покрывают за день? много ли у них локаций, повторяюсь, где они спят? отворачиваюсь в заброшенном парке, не мешая им лежать на листах картона и целоваться. обходя туалет возле дерева и грязные многократовые маски, скомканные на берегу ограждённой сигнальной ленточкой детской площадки прошлой весной

*

лекари ложатся спать в чумных масках реанимаций, вросших в кожу лица, склоняясь к пульсоксиметру, задевают клювом открытые лёгкие пациентов, не справляющихся с циркуляцией воздуха, как в холодной воде, раздвигают спицами разлагающийся орган на расстоянии, вязаные сердца в банках бабушкиных солений, доставленные безмолвными санитарями горящих карет скорой помощи, пронзающих ночью окна зудящим красно-синим светом, потому что который месяц

бессонница? где спишь, там и работаешь, не отличая сна от работы желания, тоски – от усталости разума скажи, и это последнее, что спрошу у тебя: это похоже на чистую светящуюся катастрофу? даже на фоне взрывов даже на фоне космоса?

II. хочу вырвать себе лопатку и разбить ею шлем ОМОНовца

"За время протестов в августе-сентябре 2020 года от действий силовиков в Минске пострадали не меньше 1 406 человек. Каждый третий получил травмы средней тяжести и увечья. Больше 600 человек были избиты не во время митингов, а после задержания в отделах милиции и в изоляторе на Окрестина. Произошли по меньшей мере три случая сексуального насилия, один из изнасилованных – несовершеннолетний"

Минск избитый. Как силовики калечили протестующих – исследование "Медиазоны" за 13 октября

"Общее количество задержанных за время послевыборных протестов с учётом различных источников данных – более 31 000 человек. Волонтерская служба ПЦ «Весна» собрала сведения о 26 579 задержаниях в 46 населенных пунктах Беларуси за этот период. Среди задержанных 20% – женщины, 171 человек – несовершеннолетние, 57 человек – иностранцы.

Таким образом, за 2020 год жертвами репрессий стали более 33 000 участников мирных протестов"

Ситуация с правами человека в Беларуси в 2020 году.
Аналитический обзор на spring96.org

Пятница, 7 августа

– дело ведь не в симпатиях и антипатиях, а в процессах,
начатых той весной
не заканчивающихся – с какого момента всё пошло не туда,
тебе кажется?

стычка с контролёрами в опустевшем автобусе, ещё до
всяких стачкомов, *границы пока что открыты,*
издевательски говорят они, *вы вообще можете выехать,*
если вам здесь не нравится. крадёте деньги
правительства, нарушаете своим присутствием
– да я вообще, – обеззлобленно молчу я, – не отсюда, –
говорю нервно, – страна, в которой они до сих пор живут
уже 30 лет
как нагнулась

они что, до сих пор не заметили? с непониманием смотрят
на белые ленточки на запястьях у стариков и на бюджетни-
ков, насильно согнанных, как на расстрел, ведут голосовать
каруселью днем и забирают, прикрывая ОМОНОм, ночью

всё уже спутано правильно, так, что ты только приди в урну
независимым наблюдателем наблюдать
из стекла, в бинокль, с улицы

сквозь окно школы, в которой учился твой папа, заклеенное
изнутри агитками
и нет, не распутывай этого, *утони насовсем вовсёмэтом*

*

есть ли синонимы к слову "небритость"? джинсовый комбинезон, носимый без лифчика, ноги-полосы на мокром асфальте, граффити художников из амстердама и южной америки, пока мысли о жизни, о будущем никак не выстроятся

хоть во что-нибудь целостное, безопасное и/или понятное:

– надо валить.

– ну да, отслужу в армии, а что делать-то? я же как бы должен этому государству, – говорят они.

*

– что-то случилось? – спрашиваю, редактируя.

– да, но я подожду, – отвечаешь.

*

лукашенко отвечает в интервью гордону, мол, я знаю, кто будет президентом

на этих выборах, "но я не скажу". ишь, какой бережный, ты посмотри, держит интригу, не хочет спойлерить

– да какая там разница, что нарисуют, если самое интересное начнётся потом

сразу же после

выборов

*

стабильное "против всех" между бацькой, которого тут никто так не называет, именем роспропаганды, и тихановской, которая осталась одна в преддверии голосования. это дракон, пожирающий сам себя ночью, добрался уже до крылышек из KFC

левое к след. вечеру будет выгрызено курочка

альтернативный кофе пьют альтернативные кандидаты в СИЗО нет ещё никаких посадок, жестокость которых мы могли бы представить глядя на сложенные гармошкой бюллетени в урне

как "дай пять" получить 10 суток, гврю, *всех не перевешают суки*

*

– суверенитет без национализма, – говорю я, – а у нас – национализм без суверенитета.
– как яйцо, которое курица снесла сразу без скорлупы, – говоришь ты, – это надо ещё перефразировать.
– нет, – говорю я, – не надо.

пока мы доедаем кебаб с соевым мясом на террасе
кастрычніцкой

Понедельник, 10 августа

доброе утро, страна
мы проснулись, пока не понимая, в какой же мы проснулись
стране, нет, не так стране – государстве. где-то там,
вдалеке, слышны сирены. к ужасному привыкаешь так же
быстро, как и ко всему остальному, что не подвластно
изменениям, но что меняет тебя
хочешь ты этого, или..? осторожный гул раненого города,
рассерженное гудение
автомобилей, лёгкий лай шин и никаких новостей поновее
на и без того лежащих новостных порталах. нет интернета
без vpn'a, тепло и солнечно
и почти что не страшно [мы же ещё не успели прочитать
новости]

рассвет – есть:
интересно, что скажет в своём обращении лукашенко после
ночных столкновений?
интересно, что с теми, кто вчера пострадал?
интересно, что думают все остальные?
интересно, что думают те, кто едет на работу?
интересно, что думают те, кто не едет ни на какую работу?
слышны мнения о готовящейся забастовке
интересно, что думают те, кто думает, ехать ли ему
на работу? кто думает о забастовке?

будущее – это процесс, вспоминая все эти "ой, да это бессмысленно" или "ну, вот и ещё 5 лет потерпим этих гандонов" вчера ночью. говорили это всё те же люди, вышедшие с нами под 199-ую школу в Минске, грамоты отличников и отличниц, приклеенные к входу. недалеко возле нее находится 27-ая школа, очередь проголосовать в которую растянулась на пол километра. женщины с детьми могут вне очереди.

"это бессмысленно" – при чём тут смысл, как будто смысл сам по себе присутствует в нашем мире, если дело в запретной общности и невозможности просто сидеть дома, это же часть социального научения – хочется, нет, не на "войну в центре минска", к которой приглашают фальсификациями, а к людям, к своим, где теснее. самое безопасное место – внутри, где великое множество

потому мы и вышли, бросив в рюкзак деньги, полузаряженную банку, какие-то документы и верхней одежды на всякий случай [мы вообще сразу не стыдились быть друг возле друга без одежды, внезапно вспомнилось]. потом немного убежали от ОМОНовцев, но всё обошлось – они приехали не за нами, а сопроводить членов комиссии. подруга рассказывает, как несколько часов пряталась в кустах от преследования, пока они обшаривали подъезды.
это не та погоня

интересно, что думают едва проснувшиеся за стеной соседи?
интересно, что думает одинокая женщина в солнцезащитных очках, выгуливающая французского бульдога на поляне под окнами?

интересно, интернет исключительно через vpn – это надолго?
так давно не пользовался этим "режимом", что уже и забыл, как это. до жути "тупой" интернет, тяжело дышащий ноутбук на столе. интересно, что думают силовики, винтившие беларусов ночью?

всё это несколько/так знакомо выглядит: как лавина, линия мужчин падает на нескольких силовиков, спровоцированных парнем, снявшим перед ними майку. они просто задавливают этих ворон в касках ледяной стеной разгорячённых тел, как политически бесправные, депривированные пирании:

мужчины уже заебались. мужчинам нечего делать в этой стране. не говоря уж – *заниматься политикой*. посягнуть на трон равно вывезти семью в литву или польшу. не всех из них вовлекают в воспитание детей, даже по их желанию – совместного и равноправного с женщинами воспитания. "по статистике", чаще попадаются бессемейные одиночки, которым "нечего" терять, нечего взвешивать, они не чувствуют грызни стыда за шторкой в горячем душе, оставаясь с родными дома, планируя безопасный маршрут на работу утром. если что-то случится кто накормит стариков и животных?

пересмотрел видео с грузовиком и митингующими. это не то же самое, но невольно вспомнил, как в киеве грузовик переехал человека той зимой. стало очень грустно. они же не только силовики, они же и беларусы тоже. за окном лежат холмы и мирно дымятся трубы близлежащей ЦЭЦ

узнать историю слова *silovik*, обогатившее мировой язык, как и украинское слово *тітушки*: незаменимая лексика без внятного эквивалента. "Политолог Беттина Ренц выделяет следующие существующие в настоящее время или существовавшие в прошлом силовые структуры ..."

но мы же сейчас в беларуси: "мощным механизмом формирования оценки является контекст". художник в набедренной тряпке со словом "хуй" на груди, так себе перформанс. может быть, выглядит круто, но очень банально, хотя к чему я придрался, я ж не Павленский и я не из Femem

один из них, кстати [силовик – а не художник и не контекст], вчера, прикрывая цепочку учительниц и учителей, выходящих из 199-ой школы после нескольких часов не-вывешивания результатов выборов на том участке, бросил нам, последним садясь в автозак [дети бегут в автозак дети бегут вслед, за автозаком, храбрые, словно бессмертны они ещё не знают, что такое *умирать за страну бесценно*] – он бросает нам светшумовую слово-гранату "удачи". так себе перформатив

удачи?
с чем? это он нам на будущее?
это ирония?
или он это серьезно?
или это постирония?
или он это постсерьёзно?

чуткость – это вопрос комбинации. [вчера в обед, сразу после голосования, спрятались в милой кофейне от ливня, взяли что-то горячее. мог ли бариста, улыбаясь, думать о том, что случится вечером? а я? спустя неделю после первых протестных акций, он рассказал нам, что только сегодня зашёл в интернет и увидел всё это, все эти пытки. нам повезло скачать wrp вовремя, да ещё и тот, который, к счастью, работал.

а я не понимал, зачем стягивать столько техники? я вообще недооценил атмосферу воздуха. *дед кукухой двинулся, а я думал, он милый бумерский диктатор*, – говорит Игорь. ну, и я правда не думал, что начнётся *настолько жестить, какое месиво, пытки над задержанными, нет слов, одна ***** лексика.* но теперь я могу/понимаю]

доброе утро, страна-государство
это/за что, сонно протирая веки, ещё одна революция
началась? или продолжилась?

2020-ый

где мир держится на словах
разбивающихся о дубинки. там погибают люди, и ты можешь
перенестись в это пространство: это – рисунки на стенах,
"новый самый опасный класс" политзаключённых, каменный
мемориал из цветов и лампадок, уничтожаемый ежедневно
коммунальщиками в скрытых погонах, "прости, что не вышли
тебе на помощь": закат
расплывается в улыбке: ну, а что тебе ещё нужно, чтобы уйти?
сколько трупов собрать в дорогу? каких песен не петь и как
записать в учебнике, дабы потом вымарать? и это не просьба
– "оставь её" – *любимая, которую не отдают*; и это выше,
чем любой речевой акт:
отпусти её!

и если оружие – это язык, то давайте разрешим автомат
Калашникова; и будем судить и сажать автоматы за то, что
они убивают, ножи за то, что они режут, слова за то, что они
действуют, а не людей, спускающих курок свирели языка; или
сопилки мовы, между суржиком – и трасяной

культура сопротивления, объединяющая сверх всяких
кордонов, по ту сторону всех силовиков. и коронавирусная
уравниловка, брошенная на вирусный произвол

*

– когда опять начнется война в другом месте – скажи мне; я
накормлю котов, прежде чем выйти, позову друзей,
по крайней мере, предупрежу их об этом:
полиявший режим все ещё скребётся в остаток двери,
взломанной ломом истории

сознание – это запёкшаяся корочка на теле всегда
расцветающей
ранки реальности, ежедневно сдираемой позитивистским
бытом отшельников

заблудившись в нескольких неточных определениях
одн_их и тех же вещей

*

абилішень тільки
написати якусь дурничку тепер
про світ, який чимось мене не влаштовує, відмінність від
інш_их видавати
за цькування й зненависть
залишити місце для запаху
травоїдним вовком з-під спітнілої маски
замість 2-3 годин з нею спатиму, аж до самого відшукування
вакцини й причетного
до розповсюдження вірусу
красиві молоді хлопці у транспорті. старші чоловіки
кепкують з них, розглядаючи
з презирством еволюційного програшу їхню фемінність
вони навіть не в курсі, що, може, заздрять цьому
преференціям такого підходу до
іншої: *зміни миру, а вони все ще у бойовій готовності*

*

– вот здесь я жила, – она прерывает мой стих своей фразой,
но он остывает в мозге, остаётся
прищурив стёкла очков под солнцем, расстегнув верхнюю
пуговичку отцовской рубашки, отметив старушку в смешной
маске, показывая на дом родителей своих родителей за
окном, на ярко покрашенных девушек [уже который год я
размышляю над природой женского макияжа], пока
троллейбус, как котёнок, прижав свои уши, проезжает
ежедневно уничтожаемый мемориал тарайковскому

язык внутри языка

синий, синий, голубой
вместо крови – газ рекой

трубопровод вздувшегося государства-страны, переплетаясь телами республик, растеряв пару своих частей, полу-выпустив их, полу-украдены, призывает в свой дом монстра, стервятников с той стороны, пряча внутри себя зеркало, чтобы в него не смотреть, расплачиваясь жизнями около сотни граждан, дабы потом пожертвовать тысячами неизвестному богу, каждый день понемногу беженцами и убитыми, слава богу, не нефть, но газ, но война – он_а как будто бы продолжает холодным пламенем разгораться, парламентские выборы, от которых никто ничего не добьётся, единый день голосования, хотя северный поток-2 уже мертв, даже если его и достроят – мертворождённые

дет-ти из гет-то не играют в лот-то

все эти игры бойко, фирташа, левочкина и тимошенко закончились, но они никак не поймут этого, сырьевые магнолии. каменный век кончился раньше, чем кончились камни. богатые люди остаются живыми, пока бедные мрут ещё хлеще, чем мухи, одну из них пожирает моя кошка. я подношу к окну её морду, держа под лапы, мои руки по локоть в крови, она наслаждается, чавкая, а я улыбаюсь
беспомощно

*

заусеница моей любви

мозг и язык так привыкли к тебе, что без тебя костенеют

я смотрю на тебя, пока ты спишь, звучит жутко и смешно, но ты делаешь то же самое, сама рассказывала: нам всем уже месяц снится одно и то же. как неизвестные в балаклавах внезапно врываются в помещение и вытаскивают женщин за волосы, столько кофе, что невозможно за день отмыть пол, насилуют дубинками в автозаках, как бьют прохожих парней, пока сверху прикрытием не ляжет девочка, как может/не может отбить стая граждан своего у безликой зеленой вороны, как вывозят их на Окрестина и потом они выходят с ногами почерневшими, как небо, выгоревшее дотла, посиневшими, как труп или выбитый глаз, как они стреляют в окна резиновыми пулями, оставляя следы, как светозумовые рвут на части случайных прохожих, остатки ягодицы свисают и лодыжки, я даже не знал, что они так работают, я думал свет и шум, а не в мясо и кровь, в чём их смысл тогда, почему

сразу не боевыми гранатам?

проголосовавших не так за лукашенко, как за статус-кво на выборах

тоже двинут в сторону давки – и в любом случае они ошибались, в попытке остановить ход времени. глядя на митинг ябатеков сквозь улицу, повторяю себе "я же знаю, где правда".

ни слова об истине. нам всем снится одно и то же уже месяц-2, это 5-ая неделя восстания, стандарт протестной динамики – недель 6-8. но это не тот случай. [бенефициары войны по обе грани границы и внутри её разлома – когда можно будет говорить об этом вслух на всех телевидениях?]

смотрю на тебя, не могу уснуть, пытаюсь разобраться, что же случилось

в криму, в киеве, на донбассе – чуть менее, чем понятно, но там столько áкторов

пытаюсь представить картину События в целом, пытаюсь со всеми быть адекватным, не игнорировать, не надоедать им своею осознанностью, которую сами же они возводят в мою личность, я сам

мало чем скован и узнан. но картина вокруг меня, и я в ней живу, ежедневно дырявя пальцем. и зрения – хочу вернуть себе зрение! – никак не хватает

ни на какой годный груминг

кроме тебя, любимая. и чем дальше во времени, тем больше всего прожито, непонято и непонятно, и приходится проживать ПТСР вновь-и-заново, но уже с пониманием: тот боинг, сбитый где угодно, но не над малайзией, та война не на года, а на десятилетия, вязкость вокруг, ничего не происходит, кроме смертоубийства, но вот мы проснёмся и выйдем на улицу, держа в кармане записки с именем и адресами, номерами адвокатов благотворительных организаций, проснёмся, и выйдем, и

etc. на смерть

викорчовувати любов
всіма неправдами й антиреформами, як бчб-символіку й
приватний бізнес
закритий на забастовку, не слідкуючи за новинами з
білорусі й вже давно не розуміти, що там відбувається :нібито,
щось відбувається, коли питають "ну, що, не вийшло в них?
чи як там буде тепер?", навіть не буду продовжувати.. список
запитань, які не можна..
і непрошені поради диванних революціонерів, спогадуючи
майдан за новинами

плутають серпень з листопадом: жнівень, коли жнива, людські
жнива, людський ресурс – не плутати з жовтнем, жнівень – це
серпень. і лістапад: і їх там теж сьогодні
плутають, але через павідь репресій, а не через мовні звички,
які бувають не менш шкідливими, аніж / так, досить шеймити
курців за куріння
і людей – за їх крихкість та обмеженість когнітивних
можливостей

*

і тепер я знаю, що таке труна на коліщатках й що за чорна рука
їздить у ній, спроможна виламати будь-чії двері.
виламати, розламати, зламати життя. [– гроб на колесиках,
гроб на колесиках, скажите, пожалуйста, а из какой вы
страны? что, если весь ужас в том, что он такой же

тутэйшый, как и все мы
и вышел из той же земли, в которой лежат недавно убитые?]
як рівновіддалені смерті, спричинені режимом: кола на
воді. коло неповнолітнього хлопця, який втік з лікарні після
побиття. коло матері, яка померла з нервів після всього
цього. 9 її дітей, що залишились: снежань, студзень, люты,
сакавік, красавік, травень, чэрвень, ліпень – і немає
останнього, він загубився

скільки це все ще триватиме?

*

коло виходу
коло фортуни, яку все ще пробують витурити й депортувати
з країни
кола розходяться, аж доки не видно води

*

й дві крайнощі: олюднювати все довкола себе, тварин,
навіть зброю, нашіптуючи їй імена з протоколів затриманих
і дегуманізувати, розлюднювати людей, відмовляючи їм
навіть в тім, щоб бути зброєю, якщо вони того прагнуть

*

etc.

изучив использование слова, – забудь его значения, все, кроме словарного и своего собственного; не обрекай лишней раз мысль на высказывание, ограничив её в становлении, утопив, как некую часть себя; прильнув поцелуем к тяжёлому типу текстов, – не менее 5 раз в день обнимай легчайшие; никто никому ничего не обязан взаимными лайками; большая часть поэзии – это красивый бред, еще больше её – некрасивый; но есть и хорошее;

погружённый

солидарным замалчиванием в контекст сообщества, привыкая к температуре и морфологии третьей волны ковида, к рецессии политических кризисов, он – видимость сна, спираль бессмысленного ожидания, приемлемо снующий улицей между "множествами" спинозы и гоббса; с каким-то символическим капиталом неприличного чувства, запрещённого символа, как будто собственного отстоинства под обветренной кожицей куртки. стараюсь не так заметно не замечать посадок за безобидную, но угрожающую краску на куске камня: быть историей в этом городе безопасней, чем быть знаком человека, законом гражданки, охраняемым инфантилизированным и нафталиновым государством. они тебя не привлекут, нет, т. к. им лень читать то, что ты пишешь – так долго, длинно и неоправданно сложно на половину правого глаза, они не поймут, есть дела поважнее, и, значит, другие тоже вряд ли, в этом нет опасности суверенитету. но

ты можешь сесть, если просто внешне им не понравишься, оглядываясь как-то не так на остановке, дёрнувшись; они чуют страх, как собаки, не способны видеть его, – одевшись неправильно, достанешь телефон, снимешь котика, попытавшись убежать от боли: красота, приязненность, эмпатия, ум, участие – подозрительны. в них проще простого скрывать несогласие, силу, презрение [погружён в язык, как пока ещё живущее тело, дерущееся в формалине]

спасибо, но
я, пожалуй, постою
пока/если можно

*

от нас ещё останется [ничего не останется, *шепчет режим из месторождений рода, сумеречными травмами растекаясь по заученным дворам], кроме гусяного пепла

измождённая ненависть, замыкаясь во рту седовласой рифмой, ни к чему непреложной, запятой, вшитой в объект сообщения

так не вовремя, как случайный кашель умирающего родственника перед непонятно насколько важным экзаменом, будящий среди ночи привычкой паники неразбрав спрашивать, лёжа над душой: "этот хрип или чих – последний? как сон: я каждый помню, но ни один не могу объяснить тебе; как человек; или пара доп. деньков жизни из лёгких сим затруднённым дыханием было обещано или упущено?"

*

свет льётся из ручья, вода отбивается от дубинок, стихов
вхолостую гремит в избытке, трубы ЦЭЦ-4 стонут беззвучным
дымом, облаками, которыми мы потом дышим, и СМИ до сих пор
пишут, насколько он вреден для щитовидки, и странно, что в тебе
не тону – да и "я" в тебе не тонет, взывая к посмешищу пепелища

не умея плавать. но вот, из аорт произрастают, мутируя, жабры
[если потребуется, я буду ходить за тобой
по поверхности дна], приспособливаясь, словно вирус,
уходящий из-под любой, если есть выбор, вакцины, свирепствуя
пьяным отцом, отчёркивающим травмы своего,
но не принадлежащего ему детства, пренебрегая тоской
и вниманием заботящейся о нём дочери
в пользу два раза забывшего о них сына, забота о дочери
дочки, и это самый грустный момент всего текста, и если
раньше "я" не знало, как сказать то, о чём хочется. [пиши
уверенно, как будто знаешь, что хочешь сказать и не заботишься
о том, чтобы тебя понимали – ведь очевидные вещи будут
сказаны], то теперь не могу – и это прекрасно, что получается,
если писать смирившись: закрытые стены
с покрашенным палимпсестом протестной символики
этого лета, зимы, осени, перемен, слов, ритма. [и тот миг, когда
из текста необходимо выйти, соблюдая социальное
дистанцирование; и подождать пару дней, как любовь на
карантине; миг, когда читаешь стих вертикальню смартфона

миг

когда?]

сторис силовиков

он смотрит на неё
она смотрит не на него
не-он
пишет об этом

взгляд
отмежёвывается
строчкой
отсроченной
мысли

какая, в феномене, разница, оновый "он" или неоновый, если
она сейчас на работе и не так не может, как не хочет
отвлекаться от успокаивающего шума перемалывания зёрен
вместо скрежета шин за окнами с рождественскими
фонариками

прислушиваясь к себе, просто хочет взглянуть на неё
видение себя [а это кто?] в зеркале

это же, вроде бы, всё ещё не запрещено – разглядывать людей
в помещении, верно?
но это опасно: вдруг что, подумают, ты увидишь ненужного
особенно в отражении

заправляя кофемашину двойной эфиопией, глубоко
выдыхая, мелко вздрагивая, потирая дрожащие в одно и то же

время каждый день кисти рук
в попытках сохранить остатки здоровья, расшатанного, как
языком восстания
гнилой зуб режима, терпимого любимой логикой "само
пройдет" врачевания
из-за нехватки денег. пока болит недостаточно сильно
чтобы что?
чтобы вновь проголосовать на выборах?

но вместо этого
взгляд бросается, промазав, мимо не-него, на улицу,
заприметив чёрный бусик без номеров, хотя какая,
в сущности, разница? и какой сущности? лучше ничего не
знать
лучше ничего не помнить
не понимать

чтобы не сомневаться

лучше вообще ничего не мыслить

царапая зеркало, воняют перегоревшие лампочки нервов,
пробки слов, тупые удары острых предметов. закрыться
на кухне, если они ворвутся сюда, под всем знакомую
поп-музыку и приятный освежитель мрака в дизайнерской
туалетной комнате

или надпись "милиция" на бело-синей линейке
лысеющей, грузной, будто после 50-ти, машины. они
избегают схлопывания кадра
ворона орёт на улице от ужаса
но ты ни её
ни-чего
не слышишь

ни-что не выдает тревоги и ужаса, скрывающегося за запахом
пережаренного кофе
и чернильным пятном растёкшейся в рюкзаке ручки, похожим
на запёкшуюся кровь писателей

кроме текста, складывающегося из очерстевшего чёрного
хлеба человеческих судеб, нет, из очередного судебного
приговора, преломленными образами из детства
о, нет, только не ты, хватит дозвониться надо мною, иисусе

потому что текст – это всё, что я точно, по крайней мере, как
мне кажется, вижу
знаю
и чувствую

в эту секунду мысли

в сумерках, кажется, падает красный снег
фонарный
оранжевый

"усиление морозов! на дорогах – снежные заносы. будьте внимательны и осторожны. берегите себя и ...", как будто издевается МЧС Беларуси тревожными сигналами СМС [любой хлопок равно "тревоге", равно провластной речи из тёмных внутренностей телевизора дедулиной комнаты, пока мы думаем, что делать дальше а я уже почти забыл, как выглядят телевизоры]

вчера они закрашивали старые символы и сдирали с обветренных пальчиков веток ленточки с бчб, пригнав во двор несколько машин с лестницами а сегодня опять паранойят обысками журналистов из новостей

"не опять, а здравствуйте, откройте", стучат кошмары в мягкую обивку двери

одна симптоматика, одна на всех
ночью
под вечерний шум соседского телевизора
бело/русской пропаганды

но кто – "они"? МЧС? МВД? КГБ? это уже неважно. вообще все, кто в форме, даже охранники в супермаркете

триггерят быть "беларусом Павлова": это когда тень человека пугается испуга другой тени

государство

инцест стареющего левиафана с самим собой

"так победим"?

убийство безопасностью и заботой

как будто закрытия любимой кофейни мало

как будто любви, страха и грязных подштанников мало, чтобы

лишний раз высидеть дома, пытаюсь оправдать опасение

выходить в час пик революции "нецелесообразностью"

стараясь держаться света мысли "каждый решает сам за себя"

вместо того, чтобы выйти в молчаливый туннель улицы, в эти

залысины между домами, в это "сколько же тут пустоты между

стройками", кажется, все объекты близко друг

с другом, но сколько времени выжжено на:

выкинуть мусор, покормить котов, докупить продуктов.

попытаться передать посылку. собрав носки, еду, лекарства и

прокладки. помыть посуду с новостями в наушниках

с таргетированной агитрекламой YouTube'a. удалить

компрометирующие сохранёнки в прихожей, хотя, кажется

просто дышать

это уже тянет на

подышать обмороженным

до ожогов

воздухом

документы и деньги шуршат почти одинаково
письмо получилось не слишком тупым? о чём писать
лишённому воли? советуют не писать о новостях, и так
зацензурят, а выразить поддержку
как одолеть злобу бессилия, узнав, что они ничего никому
не передавали?

возникает вопрос, а стоит ли указывать свою фамилию?
правозащитники: да, так принято с людьми знакомиться:
представиться им для начала, прежде чем начинать
разговор, даже такой, на бумаге, проверяемой теми, кто
никогда не представляется вживую: запрос в поисковике.
запрещённый сайт. включить анонимайзер. как справиться
с "я не знаю за что
но мне стыдно"? как попытка добиться увеличения срока
пребывания для иностранных граждан с 90-та до 180-ти
дней, препятствуя насильственной высылке анархиста к
"ближайшей границе" – к границе беларуси

но они политически преследуемые. это правда другое
литвечера солидарности в поддержку заключённых..

кому-то – сутки, а кому – года. вышедшие парадоксально
чувствуют вину перед сидящими, не говоря о тех, кто
избежал дворовых хапунов и облавы в разгар шествия
рассыпаясь, как птицы используют механизм мурмурации
[мы все ощущаем вину перед и радость за вышедших]

знакомых выпускают в последние холодные дни зимы с разницей в несколько суток, потому что ковид чтобы спустя время "досидеть" оставшиеся 9 суток с двухсторонней пневмонией лёгких. интересно, взволнует ли их информация про смертоносность новых штаммов коронавируса? новости про очередной кэнселинг или военный переворот организованный на другом конце континента? сколько же братских режимов по миру рассыпано

всё время, как будто что-то упущено, что-то важное что происходит, как будто в чём-то виновен. и ничего не происходит, выглядывая солнечным утром, хмурым лучом из квартиры с прозрачными стенами и выбитыми дверьми под утренний шум соседского телевизора

на проезжающие гуманитарки мусоровозов, броневики и располовиненные масками лица коммунальщиков в спецодежде, с вёдрами безликой телесной краски чтобы закрашивать пожелтевшие сугробы тел

– когда я села, мне так много в комментариях не сочувствовали

– так что там, 2 года химии или нет?

– 30 сутак. за шпацыр.

– куда ему писать?

последние – холодные! – дни зимы, дальше будет только
теплее
с горьковатым чувством поражения. как попытка накормить
всех бездомных животных опустевшего города. как попытка
вылечить загноившийся глаз котенка, безликого на фоне
всех остальных из выводка. как попытка задействовать
ещё не застывшие образы в тексте. как попытка вспомнить
будущее и забыть прошлое

*

этот текст ничего не меняет, ничему не способствует, не
сообщает
ничего личного, ничего нового, не рефлексировать к какой-то
точке, не пытается быть лучше. в нём нет никакой морали,
в нём нет никакого исхода и ещё он не хочет, чтобы в нём
была этика. он всего лишь свидетельствует непонимание
как можно жить дальше, если нет никаких чувств, что есть
какое-то "дальше", а оно есть, даже если не будет жизни.
даже если не будет чувств
а будет лишь только тупое упорствование в отчуждаемом
бытии
и споры о живости или мёртвости вируса

*

и нет
кажется, падает красный снег
он лежит
и не тает
не кажется

– с тобой я всё реже чувствую, будто всегда заикаюсь, а люди делают вид, что не замечают этого. мне снилось, что меня задерживают; что силовик в маске выломал дверь в комнату с ободранными детскими обоями; что вместо 15–30 суток я проведу изоляторе 90, пропустив осень, и мама не сможет вернуться обратно
как будто снова перекрыли не улицу, а границу. а, нет, подожди, пожалуйста: сколько стоит, чтоб живым вырваться? и чтобы потом не вернули обратно. дома оставились кошки, и папу задержат, хотя он старается идти поодаль

так долго не появлялся в списках ИВС, что .. мучительно было думать, что он там закончится, с его слабым сердцем; неумением держать рот за зубами. и я боялась и не могла выбрать книжку, чтобы хватило на весь срок. и я буду каждый день чувствовать, будто вовне ничего не происходит

а они до сих спрашивают "ну, и зачем же вы снова выходите?", "так долго", "ведь ничего не происходит", "у вас ничего не получится", особенно, добавляют "без радикализации", как будто сами высказываются сквозь прутья штрафов и увольнений, переездов и оглядок в магазин через улицу а что дальше будет? после радикализации? с каким переворотом сравнивать?

"что это даст?", ещё спрашивают, но не у тех, кто выходит, а у меня. как объяснить им всё это, если я и сама не понимаю, даже ходя на митинги, глядя им вслед, зажигая лампадку? ты бы мог им сказать, что считаешь это ещё одной гендерной революцией? даже фем-сообщества этой осенью перестали между собой ссориться на какое-то время

и опять приходил тот мальчик, сидевший на плечах у отца в последних числах июля, когда мы только учились вновь собираться всем обществом заново, сбрасывая огрубевшую кожицу многолетнего ужаса и беспомощности, когда всё уже началось, но мир еще не видел этого, как будто забыв, что он убивает нас дольше, чем я живу предлагая варенье к чаю пока наспех вырытые ямы теряют свою едва обретенную пустоту

дом – это там, где тебя принимают, как дома, даже если это не дом, а квартира и на улице вдвойне опасней. как не было прежде – да так, чтобы всё время? ты не можешь не выходить вовсе: в магазин – с бумажкой, на которой имя, адрес, телефон чек без денег и даты подписи. как-то стрёмно было выводить фамилию, придумывать объяснение, нет – вспоминать инструкцию, что делать, если задержат, что если задержат близкого? скольких "тихарей" ты уже видела? надеешься, что конкретно тебя, если ты с собакой, если что на этот раз, тьфу-тьфу, не повяжут хорошо, что его можно поднять на руки но бежать, кажется, было бы лучше неудобно, но ему нравится быть на ручках

*

имена деяний
подкасты, под которые мы засыпаем
и политический хоррор, который нам снится
отвлекая от жутчайшего сна наяву

и срок пребывания в безопасности ограничен. и даже тот самый язык тут другой
и другая родная мова. что ты скажешь человеку

разговаривающему на русском
отсюда? поймешь ли речь па-беларуску? третий месяц, не
перелистывая, читать, писать, переписывать эту страницу
чтобы кто-то прочел эту новость иначе:

содержание

I. левіафан

no man is an island [anymore]	4
привіт	5
на вибір	7
"шрами прикрашають жінку..."	9
"його зламали його маскулінності..."	11
людська ситуація	13
"память коротка как обрез..."	14
"лише"	15
"птаха душі"	17
вірш на день поезії	18
дневники: ковид/бездомные	21

II. хочу вырвать себе лопатку и разбить ею шлем ОМОНовца

Пятница, 7 августа	27
Понедельник, 10 августа	30
2020-ый	35
"сознание – это запёкшаяся корочка..."	37
язык внутри языка	39
изучив использование слова	44
сторис силовиков	47
"в сумерках, кажется, падает красный снег..."	50
"– с тобой я всё реже чувствую..."	55
" дом – это там, где тебя принимают..."	57

Задорожний Даниїл

3-15 Небезпечні форми близькості / опасные формы близости. –
Дніпро: Герда, 2021. – 60 с., серія «Тонкі лінії».

ISBN 978-617-7639-68-7

У першу [білінгвальну] книжку увійшли вірші 2018–2021 років, які можна жанрово окреслити як "малі поеми" з елементами репортажистики. Пандемія, ковід та політики пам'яті, змінювані гендерні норми й гнучкі логіки протесту та спротиву, українська неопатри-моніальна демократія після зими 2014-го й білоруський авторитаризм після літа 2020-го, Джудіт Батлер та Олег Лишега, Донна Хара-вей та Василь Стус. Це завжди відкрита "поетика становлення" (див. "emergent poetics" by P. Jaussen), схильна до принципової незаверше-ності. І поезія – як об'єднувальний медіум, здатний переварювати що завгодно: не все є поезією, але будь-що може нею стати.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Задорожний Даниїл

НЕБЕЗПЕЧНІ ФОРМИ БЛИЗЬКОСТІ / ОПАСНЫЕ ФОРМЫ БЛИЗОСТИ

(українською та російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Літературний редактор Юлія Чарнишова

Фото Ксенія Свірід @urbanparadox

Дизайн обкладинки, макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman

Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,2. Тираж 150 прим. Замовлення № 62/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.

book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-68-7

Поэтическая серия

«Тонкие линии»

Сергей Синоптик
«Нужное зачеркнуть»
2020

Максим Бородин
«Осторожно стекло»
2020

Ольга Брагина
«Речь похожа на карманный фонарик»
2020

Антон Полунин
«Does Marsellus Wallace look like a bitch?»
2020

Евгений Пивень
«Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево»
2020

Александра Мкртчян
«Испанская партия»
2021

Задорожний Даниїл
«Небезпечні форми близькості / опасные формы близости»
2021